

Однажды Некрасов, весь обложенный журналами и газетами, лежал в цветном халате и туфлях на низеньком широком диване и просматривал какие-то корректурные листы, а я сидел за круглым столиком и читал помещенное в "Свистке" стихотворение Добролюбова:

У ворот двора сквозного Бедный Ванька плачет...

- А я забыл вам сказать, Успенский, - прервал молчание Николай Алексеевич, - с вами желает познакомиться Тургенев... Он приехал из Парижа третьего дня... Если хотите, отправляйтесь к нему сейчас же... попадете как раз к обеду. Он остановился в гостинице "Демут" в Большой Конюшенной, рядом со знаменитой булочной Вебера... Там, вы увидите, около самого подъезда гостиницы висит исполинских размеров вызолоченный крендель...

Я немедленно нанял извозчика и отправился в Большую Конюшенную, стараясь запомнить существенный признак временного жилища Тургенева - вызолоченный крендель.

- Как об вас прикажете доложить? - вежливо и почти робко спросил меня Захар, белокурый и симпатичный лакей Ивана Сергеевича, служащий ему около тридцати лет.

Я сказал свою фамилию.

- Проси, - услышал я мягкий голос знаменитого литературного корифея, тяжелые шаги которого раздавались в соседней комнате.

Вошедши в зал, я увидел необычайно величественную и богатырскую фигуру нашего неподражаемого беллетриста, который внезапно заключил в свои мощные длани мою руку. Хотя я и не был из числа малорослых, но должен был, подняв голову вверх, смотреть на приветливое и в высшей степени привлекательное лицо Ивана Сергеевича, причем меня немало поразило его тихий голосок, который вовсе не шел к его исполинскому организму.

- Мне очень хотелось с вами познакомиться, - начал Тургенев, опускаясь в кресло, - хотя заочно я знаю вас давно, по вашим рассказам, которыми всегда запасаюсь на дорогу, чтобы не скучать... Мы с вами, кажется, земляки?

- Я уроженец Тульской губернии, Ефремовского уезда.

- В Ефремовском уезде, близ села Каднова, у меня есть имение, где я, впрочем, почти никогда не бываю... Я люблю свою родину - село Спасское, на границе Чернского и Мценского уездов. У вас, я слышал, есть кто-то из родных в Чернском уезде?

- Мой дедушка, сельский дьякон...

- Представьте, ведь я его знаю... такой маленький, лысенький старичок... Раз как-то по пути из села Тургенева, где живет мой брат Николай, я со своим охотником Афанасием зашел к вашему дедушке, и он мне много интересного сообщил об одном однодворце, которого я в своем рассказе назвал Овсянниковым. Однако соловья баснями не кормят... Не хотите ли со мной обедать?

- С удовольствием.

Захар принялся готовить нам трапезу, украшая ее бутылками с вином и хрустальными вазами с фруктами.

- Вы, пожалуй, года уж три работаете у Некрасова, - наливая мне тарелку супа, заметил Тургенев.

- Да.

- А хорошо он вам платит?

- Не знаю, сколько он назначит за лист... Мы с ним не считались...

- Будьте осторожны!.. Это человек, которому, как говорится, пальца в рот не клади... Однажды он какую штуку со мной сделал? Проездом через Париж я встретил его на rue de Rivoli и спрашиваю: "Вы из Парижа куда думаете? В Питер?" - "Нет, заверну в Лондон". - "А скоро туда отправитесь?" - "Да хотел было завтра..." - "Ну вот и прекрасно! Пожалуйста, передайте моему приятелю... восемнадцать тысяч франков... а мне необходимо на днях быть во Флоренции..." Некрасов взял деньги, и мы расстались. Недели через две я приезжаю в Лондон и спрашиваю приятеля: "Получил деньги?" - "Какие?" - "От Некрасова". - "Никакого Некрасова и никаких денег я и в глаза не видал..." А этот скорбный поэт "мести и печали", как оказалось, вместо Лондона-то укатил в Петербург, где и пустил мои денежки в оборот...

- Это ужасно! - воскликнул я. - Неужели это правда? Тургенев только добродушно усмехался и счел за лишнее отвечать на мой вопрос.

- И вот теперь Некрасов чуть не со слезами просит у меня прощения, что так коварно поступил со мной...

- Но деньги, разумеется, возвратил вам?